

УДК 81-26

UDC

DOI: 10.17223/18572685/60/12

РУСИНСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ПРИМЕР КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОГО ТРАНСФЕРА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ НУМЕРАТИВНЫХ ЕДИНИЦ)*

М.А. Бредис¹, О.В. Ломакина^{1, 2}, В.М. Мокиенко³

¹ Российский университет дружбы народов
Россия, 109651, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6
E-mail: briedis@yandex.ru

² Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Россия, 117198, г. Москва, ул. Иловойская, 9/2
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
E-mail: mokienko40@mail.ru

Авторское резюме

Анализируются русинские фразеологизмы с компонентом-числом, извлеченные приемом сплошной выборки из лексикографических сборников. В качестве паремиографических источников выступают «Русинско-украинско-русский и русско-украинско-русинский словарь» Д. Попа, «Русинско-русский словарь» И. Керчи, а также украинские и русские словари пословиц. Отобранный фразеологический фонд распределен по группам в зависимости от стержневого компонента – числительного. В качестве фона используются примеры из славянских языков. Проанализированные фразеологические единицы в большинстве своем основаны на символической семантике чисел, отражающей народные поверья, христианскую веру, мифопоэтическую нумерологию. Среди отобранных фразеологических единиц в количественном отношении преобладают русинские фразеологизмы с компонентом *один*, что отражает общую тенденцию славянской фразеологии. Относительно многочисленными являются группы фразеологизмов с числительными *два* и *три*. Другие числительные

* Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

представлены в русинской фразеологии в меньшей степени. Показано, что русинский язык является примером культурно-языкового трансфера, поскольку испытывал влияния различных языков в силу широкого географического «разброса» на европейском пространстве. Выявление национально специфического на фоне общего помогает более объективно и детализировано раскрыть лингвокультурологический потенциал как русинской паремии, так и сопоставляемых (и сопоставимых) с нею близкородственных украинской и русской.

Ключевые слова: культурно-языковой трансфер, фразеологическая единица, пословица, русинская фразеология, нумеративная фразеология.

RUSIN PHRASEOLOGY AS AN EXAMPLE OF CULTURAL AND LINGUISTIC TRANSFER IN SLAVIC LANGUAGES (BASED OF NUMERATIVE UNITS)*

M.A. Bredis¹, O.V. Lomakina^{1,2}, V.M. Mokienko³

¹ People's Friendship University of Russia
6 Mikluho-Maklay Street, Moscow, 117198, Russia
E-mail: briedis@yandex.ru

² St. Tikhon's Orthodox University
9/2 Ilovaiskaia Street, Moscow, 109651, Russia
E-mail: rusoturisto07@mail.ru

³ St. Petersburg State University
11 Universitetskaia Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: mokienko40@mail.ru

Abstract

The paper analyses Rusin phraseological units with a number as their component, which were continuously sampled from lexicographic collections (dictionaries), such as *The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary* by D. Pop, *The Rusin-Russian Dictionary* by I. Kercha, as well as Ukrainian and Russian proverb dictionaries. The sampled phraseological units are distributed into groups depending on the core component – the numeral – and set against the background of a number of

*The article has been prepared with the support of the RUDN University Program 5-100.

examples from Slavic languages. The phraseological units analysed in the paper are for the most part based on the symbolic semantics of numbers, reflecting popular beliefs, Christian faith, and mythopoetic numerology. Rusin phraseological units with numeral *odin* ('one') prevail in terms of quantity, which reflects the general tendency of Slavic phraseology. Relatively numerous are the groups of phraseological units with numerals *dva* ('two') and *tri* ('three'). Other numerals are represented in Rusin phraseology to a lesser extent. This paper shows that the Rusin language is an example of a cultural and language transfer, since it was influenced by various languages due to a wide geographical "spread" in Europe. The identification of the national specificity against the background of a universal component helps to objectively and thoroughly reveal the linguistic and cultural potential of both Rusin and closely related Ukrainian and Russian paremiologies.

Keywords: cultural and language transfer, phraseological unit, proverb, Rusin phraseology, numerative phraseology.

Введение. Постановка проблемы

Теория трансферов, распространенная в ряде гуманитарных наук, носит интернациональный характер [31–35]. Это относительно молодое научное направление обозначено в работах по культурологии и литературоведению середины 1980-х гг. «Культурный трансфер понимается как процесс присвоения, который активно осуществляется различными промежуточными группами и контролируется потребностями принимающей культуры» [34] (здесь и далее перевод наш. – М.Б., О.Л., В.М.). Впоследствии эта теория распространилась на ряд гуманитарных наук, включая лингвистику, и стала носить метапредметный характер.

Если взять за основу тезис М. Мидделля о наличии «элементов иностранных культур в собственной культуре», определяемых «с помощью эмпирически исследуемых процессов отбора и присвоения, а также их действующих лиц и средств» [34], то оправданным становится использование различных языковых единиц в качестве материала исследования. Нам близка позиция В.В. Фещенко и С.Ю. Бочавер: культурный трансфер «призывает увидеть разнонаправленное взаимодействие языков и культур и предлагает сосредоточиться на имбрикациях, инкрустациях, изменениях, которые затрагивают всех участников взаимодействия» [28: 20].

В свете теории трансферов для лингвистов перспективными направлениями, на наш взгляд, являются следующие: 1) изучение малых литературных языков в условиях культурно-языковой интерференции; 2) исследование культурно-языковой интеграции мигрантов в

пространство страны; 3) определение роли иноязычных вкраплений в языковой системе писателей-билингвов (полилингвов).

Взаимодействие языков и культур происходит в рамках языковой интерференции «в условиях дву- или многоязычия» [7: 156]. Русинский язык испытывал влияния различных языков в силу широкого географического «разброса» на европейском пространстве, что позволяет говорить о примере культурно-языкового трансфера: соприкосновения «культур проявляются равно в воздействующей и в принимающей культурах. Тем самым в расчет уже берется не бинарная оппозиция – две культуры, одна из которых обязательно осмысляется как культура-реципиент, то есть культура принимающая, – но конструкция, гораздо более сложная» [4: 310].

Цель данной статьи – на примере определенной тематической группы русинской фразеологии показать взаимодействие русинского языка и других языков, распространенных на соседних территориях, в свете теории культурно-языкового трансфера. Материалом исследования послужило около 80 русинских фразеологических единиц (ФЕ) с нумеративным компонентом, извлеченных приемом сплошной выборки из «Русинско-украинско-русского и русско-русинско-украинского фразеологических словарей» Д. Попа [21] и «Русинско-русского словаря» И. Керчи [8].

Анализ русинской нумеративной фразеологии в свете теории культурно-языкового трансфера

В процессе фразеобразования числительные, как и соматическая лексика, зоонимы, фитонимы, колоративы, термины родства и др., являются одной из приоритетных групп, что «объясняется универсальными для всех языков понятиями» [12: 105].

Нумеративная фразеология характерна для всех славянских языков в силу универсальности состава, однако «элементы числового ряда в своих культурных функциях неравноценны» [38: 189]. Согласно этнолингвистическому словарю «Славянские древности», число – «средство упорядочения и моделирования Вселенной, в народной культуре объект семантизации и оценки. Число в мифопоэтической нумерологии не только определяет объект счета, служит его количественным параметром, но и само определяется <...> считаемыми объектами и зависит от них» [26: 544]. В свободном употреблении определенно-количественное числительное обозначает отвлеченное число или количество предметов и играет утилитарно-прагматическую роль. Кроме того, числа обладают и культурными смыслами, приобретают символическую значимость, что находит отражение

во фразеологической системе языка. При этом, входя с состав фразеологизмов в качестве их компонентов, они отчасти теряют свою математическую точность и насыщаются – как это ни парадоксально – ассоциативно-оценочными коннотациями.

Корпус русинских ФЕ, включающих число, составляет около 80 единиц, среди которых преобладают ФЕ с компонентом *один* (28 ФЕ), *два* (11 ФЕ), *три* (10 ФЕ), единичны ФЕ с компонентом *пять* (5), *сорок* (4), *семь* (3).

Один является обозначением «первичной целостности, знак человеческого "я" и одиночества» [16: 94]. «Активность компонента *один* объясняется его противопоставленностью прочим компонентам как возможного наименьшего и <...> важностью его как первой ступени счета» [25: 245]. В русинской фразеологии выделяются группы ФЕ со значением целостности, единства: *Єдну нѳвту тягнути* (Одну песню тянуть); *Єдным махом* (Одним махом); *Єдным словом* (Одним словом); со значением недостаточности: *За ґрайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* (За (один) крейцер душу не купишь, разве что черту ее продашь); *Єдным волом не наореш* (Одним волом не напашешь), что, скорее, отражает коллективистское, а не индивидуальное сознание. Поскольку *один* символизирует начало чего-либо [9], то данное событие или действие может иметь продолжение: *Єдна бїда не ходить* (Одна беда не ходит). Обозначение одиночества содержится в ФЕ: *Єденак сегїнь-неборак* (Одиночка бедняга-горемыка); *Каждый єден* (Каждый один).

Е.И. Селиверстова среди тематических биномов называет пары компонентов с семантикой числа и количества [25: 244]. В русинском языке таких биномов несколько: 'один – другой', 'один (часть) – целое', 'один – два', 'один – сто', 'два – три'. Большая часть русинских паремий включает противопоставление 'один – другой': *Єден пїшов в киндирицю, а другий у быля* (Один пошел в кукурузу, другой в сорную траву); *Єден лїпший уд другогого* (Один лучше другого); *Який єден, такий другий* (Каков один, таков другой); *Єдному на вгоду, а другому на шкоду* (Одному на пользу, другому во вред); *Єдні-сьме вўвци, а другї вѳвци* (Одни из нас волки, а другие – овцы); *Єднѳв рукѳв дає, а другѳв бере* (Одной рукой дает, а другой берет); *Єдно – не дайся, а другое – не бїйся* (Одно – не дайся, другое – не бойся); *Єдна нога тут, друга там* (Одна нога тут, другая там); *На єдно вухо чує, на другое – вон* (В одно ухо входит, а в другое выходит). Менее представлены биномы 'часть – целое': *Уярі єден дїнь цїлый рїк кормить* (Весной один день целый год кормит); *Єдна вўвця гонна отару згубити* (Одна овца может отару сгубить); *Єдна корова ушитку череду задрище* (Одна корова все стадо загадит); *Єдно пѳтя лїс не насвище* (Одна птичка лес не насви-

стит) и 'один – два': *Єдна голова дубрі, а дві не гўрше* (Одна голова хорошо, а две не хуже); *Два мацуры на єднїм дарабчику солонины не помиряться* (Два кота на одном куске сала не помирятся); *На єднїв кўстци два псы ся погрызли (кусають)* (Над одной костью два пса погрызлись); *Двох смерти нїє, а єдна тя не убийде* (Двух смертей нет, а одна тебя не обойдет); *Пуд єден клєбан дві головы не стануть* (Под одну шляпу две головы не влезут). Единичны паремии с биномами 'один – сто': *Єден мудрый, а за сто дурных пуйде* (Один умный, а за сто дураков пойдет) и 'два – три': *Де двоє, там третєго не треба* (Где двое, там третьего не нужно).

В паремии *Два жиды – токма, два русины з Колочавы – битка* (Два еврея – торг, два русина из Колочавы – драка) не только содержится указание на количество, но и дано противопоставление двух национальных характеров, что можно трактовать как реализацию противоречия, содержащегося в этом числительном. В основе пословицы *Не можна раз на двох кўньох сидіти* (рус. Нельзя сразу на двух конях сидеть) содержится предписание, основанное на поверье, что двойные предметы могут принести неудачу и даже смерть [26: 544]. Оно особенно актуально в суеверных представлениях о чертях, где действует оппозиция «чет–нечет». Именно ею можно объяснить русское выражение *черта с два* и бел. *чорта з два*, укр. *чорта з два*. Выбор числа здесь не случаен, ибо *два* – число четное, бесовское, «нечистое», о чем свидетельствует и пословица белорусских крестьян *Пастаў Богу свечку, а чорту две* [17: 170; 30: 160–162].

Поэтому и церковные действия не могут повторяться дважды: *Пўп двічі наказ не каже* (Поп дважды проповедь не говорит). Пословица *Скупый двічі платить, а лїнивий двічі ходить* (рус. Скупой дважды платит, ленивый дважды ходит) содержит негативное отношение к скупому и ленивому посредством удвоения действия *платить / ходить*. Противопоставление содержит паремия *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* (У нас два Юрия: один голодный, другой холодный).

Согласно «Словарю символов», *три* – «одно из положительных чисел эмблем не только в символике, но и в религиозной мысли» [27: 375]: пословица *Бог тройцю любить* (рус. Бог троицу любит) имеет интернациональный характер [38: 194]. Выделение трех предметов обозначает исчерпанность [20: 124]: *Динь в горазді, а три в біді* (День в достатке, а три в нужде); *Кажда новина лем три дны новина* (Каждая новость только лишь три дня новость); *Каждоє чудо лем три дны чудо* (Всякое чудо лишь три дня чудо); *Здогадався ги циганин у три роки по смерти матери ревати* (Спохватился цыган через три года после смерти матери рыдать). В следующих ФЕ компонент *три* имеют семантику «развития и завершенности процесса, полноту некоторой

последовательности» [26: 544]: *Три перстки до смертки* (Три пальца до смерти); *Три ферталі на вберталі* (Три четверти наоборот).

В пословице *Кўнь має чотыри лабы, та й тото ся шпотать* (Конь имеет четыре ноги, но и тот спотыкается) число *четыре* получает символику могущества, которым народ наделяет коня.

В русинских ФЕ *Пятоє колесо у вѣзі* (Пятое колесо в возе); *Ги псови пята лабу* (Как собаке пятая лапа) компонент *пять* имеет сематику 'избыточное, лишнее', при этом подразумевается, что *четыре* – это норма.

«Число *семь* очень важное число как в Ветхом, так и в Новом завете (в семь дней Бог создал мир, в книге Откровения нужно было снять семь печатей, семь урожайных и семь неурожайных лет и так далее). Оно связано с известными в то время семью планетами <...> Агриппа Неггесгеймский ссылается на Гермеса Трисмегиста, который семь архангелов называл "семью регентами мира... которые направляют в наш низкий мир уловленные небесами влияния всех звезд и созвездий"» [1: 192]. Важность числа *семь* для русинской культуры закреплена в паремии *Держи свѣі грѣші сім літ, та тя уймуть из сім бід* (Храни свои деньги семь лет, так они тебя оградят от семи бед), в которой использован прием редупликации для постулирования значения этого числительного.

ФЕ *Сім пятниця на тыждінь* (Семь пятниц на неделе) относится к временным единицам, поскольку *семь* отождествляется с неделей, состоящей из семи дней. За таким сугубо «арифметическим» подсчетом, однако, скрывается древняя языческая мифологема, сохраненная, как видим, и русинским языком. Выражение восходит к языческому культу богини плодородия, воды, дождя, покровительницы материнства Мокоши. День богини Мокоши, пятница, был днем, свободным от работы. В этот день запрещалось прясть, купать детей, начинать какое-либо дело и т. д. Христианство перенесло все атрибуты Мокоши на день св. Параскевы Пятницы. В пятницу следовало поститься, поминать умерших. Пятницы были торговыми днями, а тем самым и сроком исполнения торговых и долговых обязательств. Тот, кто не выполнял своего обязательства, обещал исполнить его в следующий базарный день – в следующую пятницу. О человеке, часто откладывающем исполнение обещаний, и стали говорить *у него семь пятниц на неделе*, укр. *сім п'ятниця на тиждень*. Устаревшая просторечная форма *на неделе (на тиждень)*, т. е. в течение недели, свидетельствует о народном источнике выражения как в русском, так и в украинском и русинском языках [15: 64; 17: 154–156].

В основе русинского фольклоризма *За сімома горами, за сімома морями* также число *семь*, которому славяне приписывают сакральное значение [18; 26: 545].

В основе следующих ФЕ с компонентом *сорок* – *На сорок святых и сорока именинница* (На сорок святых и сорока – именинница); *Только їх, ги сорок святых* (Столько их, как сорок святых) – воспоминания о сорока Севастийских мучениках, день памяти которых приходится на 22 марта. Этот православный праздник для восточных славян имел большое значение: именно этот день считался окончательной датой начала весны. Историк, этнограф, литературовед и переводчик Ю. Жаткович (1855–1920) в своих этнографических заметках с Угорской Руси (1896) писал: «Народ ото вірує, ож зима трічі стрічат ся из літом, то ест: фебруара 2., на Стрітеніє; марця 9., на Сорок Святых; марця 25., на Благовіщення, коли літо зовсім перемаже» (Народ верит, что зима трижды встречается с летом, а именно: 2 февраля, на Сретение; 9 марта, в День Сорока мучеников Севастийских; и 25 марта, в Благовещение, когда лето окончательно побеждает). Еще в дохристианские времена восточные славяне именно в этот день весеннего равноденствия призывали весну, надеясь на скорое наступление долгожданного тепла. После принятия христианства праздник получил новый смысл. Церковный праздник Сорока святых играл важную роль в русинском календаре сельскохозяйственных работ, что неудивительно, учитывая время его проведения. В записках Ю. Жатковича мы находим советы, связанные с работами во время праздника Сорока святых и после него: «На Сорок съвятых треба росаду сіяти, хоть би і сніг треба було мести із землі. 17 марта Тепломо Олекси. Хто на Сорок съвятых не посіяв росаду, той тепер має сіяти» (На Сорок святых надо сеять рассаду, хотя бы и нужно было снег сметать с земли. 17 марта Алексея Тепломо. Кто на Сорок святых не посеял рассаду, тот теперь должен сеять) [5]. Однако приведенные единицы, хотя и хранят память о принявших мученическую смерть за веру Христову, но имеют ироническую окраску, а *сорок* здесь «число скорее символическое, чем точное» [16: 94]. В паремии *Біда біду перебуде, єдна мине – сорок буде* (Беда беду перебудет, одна минует – сорок будет) *сорок* также означает 'много'. Пословица *На сорок святых и сорока именинница* (На сорок святых и сорока – именинница) построена на игре слов: *Сорок сороков* в народной речи – Сороки [24: 235]. Первая пословица известна и в украинском языке в разных вариантах, однако с нумеративом *сорок* зафиксирована лишь в Закарпатье: *Біда біду перебуде, одна мине, друга буде; Біда біду перебуде, одна мине, одна згине, друга буде; Біда біду переживе, єдна мине, друга буде; Біда біду перебуде, одну забудеш, десять буде* [23: 140].

По наблюдениям Е.А. Григорьевой, при образовании ФЕ числительное нередко утрачивает ядерную сему 'точное количество' [3: 107]. Этим фактом можно объяснить появление русинских ФЕ *Двадцять*

раз казати (Двадцать раз говорить); *Голоден, ги сто чортїв* (пес, вѡвк) (Голодный, как сто чертей); *И стома кўньми та го не догониш* (И на ста конях его не догонишь), где числа не несут символического смысла, а скорее служат для реализации сем 'много', 'очень сильно', 'очень много'.

Как видим, числительные в русинской фразеологии используются в качестве символических компонентов столь же активно, как и в других языках. Подобно и другим группам фразеологизмов, здесь находит свое отражение русинская ареальная специфика, обусловленная как генетическим родством с восточнославянскими языками, так и взаимодействием с языками соседних народов. Вот лишь несколько примеров ареальной «дальнобойности» уже рассмотренных русинских фразеологизмов. Выражение *єдна нога тут, друга там* находит соответствие в русском, белорусском и украинском языковом пространстве: рус. *одна нога здесь, другая там*, бел. *адна нага тут, другая там*, укр. *одна нога тут, <a> друга там* [22: 264; 29: 438]. Зафиксирована она и в словацком языке – *jedna noha tu, [a] druhá tam!* [37: 156], но отсутствует в чешском. Ср. болг. *единият крак тук, другият там*, которое, видимо, заимствовано из русского.

Упоминание во фразеологии названий денежных единиц также дает дополнительные сведения относительно истории и культуры народа [2: 184]. В пословице *За грайцарь душу не купиш, лем чорту ї продаш* упоминается крейцер – монета, которая с момента введения в оборот в 1458 г. в Австрии императором Фридрихом III стала основой дальнейшего развития австрийской денежной системы, а в XVII в. была распространённой монетой на западнорусских землях [6: 92].

У русинской пословицы *У нас два Юрія: один голодний, другий холодний* существует аналог лишь в белорусском языке *Два Юр'і і абодва дурні: адзін халодны, другі – галодны* [10: 164].

Пословица *Скупый двічі платить, а лїнивий двічі ходить* находит параллели в украинском и белорусском языках и давно уже укоренилась в русском: *Скупой платит дважды; Скупой платит два раза, а ленивый делает два раза* [19: 816]. Обороты же *каждый еден* и *який еден, такой другий*, видимо, отражают связь с западнославянским ареалом. Ср. чеш. *jeden jako druhý*, передаваемое русскими идиомами *одним миром мазаны, что один, что другой, друг друга стоят, один другого стоит* [36: 208]. Сочетание же *три ферталі на вберталі* является полукалькой с немецкого (вероятно, диалектизма) *drei Viertel auf Oberteil* (три четверти верхней части), отражая контакты русинов с немецкими колонистами. Тем самым теория трансферов, провозглашающая наличие «элементов иностранных культур в собственной культуре», получает убедительное фразеологическое подтверждение.

Заключение. Выводы

Интерес к русинскому языку как малому литературному языку Славии возрастает, что доказывают многочисленные исследования [11]. Этот интерес обусловлен и лингвистической спецификой русинского языка, факты которого отражают его различные контакты с иноязычным окружением и являются убедительным подтверждением теории трансферов и языковой интерференции. «Находясь на границе восточнославянского и западнославянского мира, русины сохраняют свою генетическую приверженность к Восточной Славии, но в то же время открыты к взаимодействию с западнославянским пространством» [13: 126].

Сравнительно-сопоставительный лингвокультурологический анализ нумеративных ФЕ русинского языка на фоне других славянских языков позволил представить точки соприкосновения разных языков и культур. Фразеология русинского языка демонстрирует важное значение, придаваемое народным сознанием числовому коду культуры в русинском языке. Приведенные ФЕ в большинстве своем основаны на символической семантике чисел, отражающей народные поверья, христианскую веру, мифопоэтическую нумерологию.

«Русинская специфика, как показало ее сопоставление с аналогичной украинской и русской, проявляется в основном в форме паремий, а не в их содержании, что подтверждает выдвинутый нами тезис о межславянском языковом взаимодействии» [14: 313–314]. Содержание же русинской фразеологии и паремиологии отражает во многом универсальные концепты человеческого существования и общие для многих народов моральные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов / Пер. с нем. Г. Гаева. М.: Крон-Пресс, 2000. 504 с.
2. Бредис М.А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 296 с.
3. Григорьева Е.А. Варьирование компонента – числительного во фразеологизмах // Проблема тождества фразеологических единиц. Челябинск: Изд-во ЧГПИ, 1990. С. 105–112.
4. Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
5. Жаткович Ю. Замітки етнографічні з Угорської Русі // Етнографічні збірник. 1896. Т. 2.
6. Зварич В.В. Нумизматический словарь. Львов: Вища школа, 1979. 338 с.

7. Караулов Ю.Н. Интерференция // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 156–157.

8. Керча И. Русинско-русский словарь. Ужгород: ПолиПринт, 2007. Т. 1. 608 с.; Т. 2. 608 с.

9. Ключников С.Ю. Священная наука чисел. М.: Беловодье, 1996. 192 с.

10. Лепешаў І.Я., Якаліцэвіч М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. Гродна: ГрДУ, 2011. 695 с.

11. Ломакина О.В. Русинская фразеология и паремиология: достижения и перспективы развития // Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме: сборник научных статей. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. С. 205–208.

12. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Карпаторусинские соматические паремии на славянском фоне // Славянская микрофилология / Под ред. Александра Д. Дуличенко, Мотоки Номати. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, 2018. (Slavic Eurasian studies; no. 34). С. 103–128.

13. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9

14. Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18

15. Максимов С.В. Крылатые слова. М.: ГИХЛ, 1955. 447 с.

16. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2004. 256 с.

17. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 278 с.

18. Мокиенко В.М. Za siedmimi morami: Миф, ставший для профессора Виктора Крупы жизнью // Jazykovedný časopis. Vedecký časopis pre otázky teórie jazyka. Journal of Linguistics. Scientific Journal for the Theory of Language. Published by Slovak Academic Press, 2016. Roč. 67. Číslo 3. S. 219–231.

19. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц (БСРП) / Под общ. ред. проф. В.М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.

20. Пасечник Т.Б. Число в русской фразеологии // Русская речь. 2009. № 2. С. 124–127.

21. Поп Д. Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. Ужгород, 2011. 241 с.

22. Прислів'я та приказки (ПП) / Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 2: Людина. Родиннежиття. Риси характеру. 524 с.

23. Прислів'я та приказки (ПП) / Упорядник М.М. Пазяк. Київ: Наукова думка, 1991. Т. 3. Взаємини між людьми. 440 с.

24. Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым / Сост. С.Д. Ошевский; предисл. Г.П. Присенко. Тула: Приок. кн. изд-во, 2000. 480 с.

25. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Науч. ред. В.М. Мокиенко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 296 с.

26. Толстая С.М. Число // Славянские древности: Этнолингвистический

словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). М.: Междунар. отношения, 2014. С. 544–547.

27. *Трессиддер Дж.* Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.

28. *Фещенко В.В., Бочевар С.Ю.* Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / Отв. ред. В.В. Фещенко; ред. колл.: Н.М. Азарова, С.Ю. Бочевар (отв. секретарь), В.З. Демьянков, М.Л. Ковшова, И.В. Силантьев, М.А. Тарасова (редактор-корректор), Т.Е. Янко. М.: Культурная революция, 2016. С. 5–34.

29. Фразеологічний словник української мови (СФУМ) / Уклад.: В.М. Білоноженко та ін; від. ред. В.О. Винник. Київ: Наукова думка, 2003. 1104 с.

30. *Холявко Е.И.* Черта с два! // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах: материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. В.И. Коваль. Гомель, 2001. С. 160–162.

31. *Espagne M.* Les Transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1999.

32. *Kaelble H.* Herausforderungen an die Transfergeschichte // Barbara Schulte (Hrsg.), Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte (= Comparativ; 16, 3). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006. S. 7–12, hier S. 8.

33. *Lüsebrink H.-J.* Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters) // Ewald Mengel/Ludwig Schnauder/Rudolf Weiss (Hrsg.), Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer. Vol. I. Trier: WVT, 2010. S. 21–35.

34. *Middell M.* Kulturtransfer, Transfers culturels, Version: 1.0 // Docupedia-Zeitgeschichte, 28.01.2016. URL: <https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/index/docId/702> (дата обращения: 10.05.2020). <https://doi.org/10.14765/zzf.dok.2.702.v1>

35. *Middell M.* Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis // Comparativ. 2000. № 10. Hf. 1. S. 7–41.

36. *Mokienko V.M., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. 1. vydání. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2002. 659 s.

37. *Smiešková E.* Malý frazeologický slovník [Small phraseological dictionary]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1974.

38. *Walter H.* Число ТРИ в русской и немецкой фразеологии (от Троицы до трех горшков и drei Käse) // Numerologia we frazeologii i paremiologii Redakcja naukowa / Ewa Komorowska, Jolanta Ignatowicz-Skowrońska, Agnieszka Krzanowska, Harry Walter. Szczecin, 2017. S. 189–201.

REFERENCES

1. Bauer, W., Dümotz, I. & Golowin, S. (2000) *Encyklopediya simbolov* [Encyclopedia of Symbols]. Translated from German by G. Gaev. Moscow: Kron-Press.

2. Bredis, M.A. (2019) *Chelovek i den'gi: Ocherki o poslovitsakh russkikh i ne tol'ko* [Man and Money in Proverbs: Essays on Russian and Other Proverbs]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

3. Grigorieva, E.A. (1990) Var'irovanie komponenta – chislitel'nogo vo frazeologizmakh [The numeral component variation in phraseological units]. In: Grigorieva, E.A. et al. *Problema tozhdestva frazeologicheskikh edinits* [The Identity of Phraseological Units]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University. pp. 105–112.

4. Dmitrieva, E.E. (2011) Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyy metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost'? [The theory of cultural transfer and the comparative method in humanitarian research: opposition or continuity?]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 302–313.

5. Zhatkovich, Yu. (1896) Zamitki etnografichni z Ugors'koï Rusi [Ethnographic notes of Ugric Rus]. *Etnografichni zbirnik*. Vol. 2.

6. Zvarich, V.V. (1979) *Numizmaticheskii slovar'* [Numismatic Dictionary]. Lviv: Vishcha shkola.

7. Karaulov, Yu.N. (1997) Interferentsiya [Interference]. In: Karaulov, Yu.N. (ed.) *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian Language. Encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; Drofa. pp. 156–157.

8. Kercha, I. (2007) *Rusinsko-russkiy slovar'* [Rusin-Russian Dictionary]. Uzhhorod: PoliPrint.

9. Klyuchnikov, S.Yu. (1996) *Svyashchennaya nauka chisel* [Sacred Science of Numbers] Moscow: Belovod'e.

10. Lepeshaÿ, I.Ya. & Yakaltsevich, M.A. (2011) *Tlumachal'ny sloÿnik prykazak* [Explanatory Dictionary of Proverbs]. Grodno: Grodno State University.

11. Lomakina, O.V. (2019) Rusinskaya frazeologiya i paremiologiya: dostizheniya i perspektivy razvitiya [Rusin phraseology and paremiology: achievements and development prospects]. In: Nechiporchik, E.V. (ed.) *Slavjanskije lingvokul'tury v prostorstvennom i vremennom kontinuuume* [Slavic linguocultures in the spatial and temporal continuum]. Gomel: Gomel State University. pp. 205–208.

12. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Karpatorusinskie somaticheskie paremii na slavyanskom fone [Carpatho-Rusin somatic paraemias on the Slavic background]. In: Dulichenko, A.D. & Nomati, M. (eds) *Slavyanskaya mikrofilologiya* [Slavic Microphilology]. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. pp. 103–128.

13. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2016) Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages. *Rusin*. 3. pp. 119–128 (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/45/9

14. Lomakina, O.V. & Mokienko, V.M. (2018) Value constants of the Rusin paremiology (compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 4(54). pp. 303–317. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/18

15. Maksimov, S.V. (1955) *Krylatye slova* [Winged units]. Moscow: GIKhL.

16. Maslova, V.A. (2004) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics] Minsk: TetraSistems.

17. Mokienko, V. M. (1986) *Obrazy russkoy rechi* [Images of Russian Speech]. Leningrad: Leningrad State University.

18. Mokienko, V.M. (2016) Za siedmimi morami: Mif, stavshiy dlya professora Viktora Krupy zhizn'yu [Za siedmimi morami: The Myth that has Become Real Life for Professor Viktor Krupa]. *Jazykovedný časopis. Vedecký časopis pre otázky*

teórie jazyka – Journal of Linguistics. Scientific Journal for the Theory of Language. 67(3). pp. 219–231.

19. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [The Great Dictionary of Russian Proverbs]. Moscow: OLMA Media Grupp.

20. Pasechnik, T.B. (2009) Chislo v russkoy frazeologii [The number in Russian phraseology]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 124–127.

21. Pop, D. (2011) *Rusinsko-ukrainsko-russkiy i russko-rusinsko-ukrainskiy frazeologicheskie slovari* [The Rusin-Ukrainian-Russian and Russian-Ukrainian-Rusin Dictionary]. Uzhhorod: [s.n.].

22. Pazyak, M.M. (ed.) (1990) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka.

23. Pazyak, M.M. (ed.) (1991) *Prisliv'ya ta prikazki* [Proverbs and Sayings]. Vol. 3. Kyiv: Naukova dumka.

24. Sakharov, I.P. (2000) *Skazaniya russkogo naroda, sobrannye I.P. Sakharovym* [Russian Tales collected by I.P. Sakharov]. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.

25. Seliverstova, E.I. (2017) *Prostranstvo russkoy poslovytsy: postoyanstvo i izmenchivost'* [The space of the Russian proverb: constancy and variability]. Moscow: FLINTA: Nauka.

26. Tolstaya, S.M. (2014) Chislo [Number]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 544–547.

27. Tressidder, J. (2001) *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Translated from English by S. Palko. Moscow: FAIR-PRESS.

28. Feshchenko, V.V. & Bochevar, S.Yu. (2016) Teoriya kul'turnykh transferov: ot perevodovedeniya – cherez cultural studies – k teoreticheskoy lingvistike [The theory of cultural transfers: from translation studies – through cultural studies – to theoretical linguistics]. In: Feshchenko, V.V. (ed.) *Lingvistika i semiotika kul'turnykh transferov: metody, printsipy, tekhnologii* [Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 5–34.

29. Vinnik, V.O. (ed.) (2003) *Frazeologichniy slovník ukrains'koï movi* [Phraseological Dictionary of the Ukrainian Language]. Kyiv: Naukova dumka.

30. Holjavko, E.I. (2001) Cherta s dva! [No way in hell]. In: Koval, V.I. (ed.) *Slavyanskaya frazeologiya v areal'nom, istoricheskom i etnokul'turnom aspektakh* [Slavic phraseology in the areal, historical and ethnocultural aspects]. Gomel: Gomel State University. pp. 160–162.

31. Espagne, M. (1999) *Les Transferts culturels franco-allemands*. Paris: Presses universitaires de France.

32. Kaelble, H. (2006) Herausforderungen an die Transfergeschichte. In: Schulte, B. (ed.) *Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. pp. 7–12.

33. Lüsebrink, H.-J. (2010) Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters). In: Mengel, E.,

Schnauder, L. & Weiss, R. (eds) *Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer*. Vol. I. Trier: WVT. pp. 21–35.

34. Middell, M. (2016) Kulturtransfer, Transfers culturels, Version: 1.0. *Docupecta-Zeitgeschichte*. 28th January. [Online] Available from: <https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/docId/702> (Accessed: 10th May 2020). DOI: 10.14765/zzf.dok.2.702.v1

35. Middell, M. (2000) Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis. *Comparativ*. 10(1). pp. 7–41.

36. Mokienko, V.M. & Wurm, A. (2002) *Česko-ruský frazeologický slovník* [Czech-Russian Phraseological Dictionary]. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci.

37. Smiešková, E. (1974) *Malý frazeologický slovník* [Small Phraseological Dictionary]. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo.

38. Walter, H. (2017) Chislo TRI v russoj i nemetskoj frazeologii (ot Troitsy do trekh gorshkov i drei Käse) [The number of three in Russian and German phraseology (from Trinity to three pots and drei Käse)]. In: Komorowska, E., Ignatowicz-Skowrońska, J., Krzanowska, A. & Walter, H. (eds) *Numerologia we frazeologii i paremiologii* Redakcja naukowa. Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski. pp. 189–201.

Бредис Михаил Алексеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия).

Mikhail A. Bredis – Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

E-mail: briedis@yandex.ru

Ломакина Ольга Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия), профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия).

Olga V. Lomakina – St. Tikhon's Orthodox University (Russia), Peoples' Friendship University of Russia (Russia).

E-mail: rusoturisto07@mail.ru

Мокиенко Валерий Михайлович – профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Valerii M. Mokienko – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: mokienko40@mail.ru